

С. С. Сай

ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

ИМЕННЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ: ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АНКЕТА

1. К определению именных причинных конструкций

Настоящий текст создан в рамках коллективного проекта по изучению причинных конструкций в языках мира¹; он нацелен на то, чтобы очертить пределы вариативности **именных** причинных конструкций (*из-за тебя мы опоздали на поезд, девочка вскрикнула от страха* и т.д.) в языках мира и предложить анкету, которая может быть использована для их систематического изучения. Эта статья образует диптих с

¹ Исследование поддержано грантом РНФ («Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», грант № 18-18-00472, руководитель В. С. Храковский). Я выражаю искреннюю признательность Н. М. Заике и всем другим коллегам по проекту за многочисленные обсуждения и советы, отразившиеся в этом тексте. Также мною были с благодарностью учтены комментарии, полученные от Е. Л. Вилинбаховой, Э. Генюшене, М. Гигера, Д. М. Зеленского, А. А. Кузнецова и Ф. И. Рожанского. Помимо этого, здесь используются данные конкретных языков, почерпнутые из рабочих документов, подготовленных моими коллегами А. П. Выдриным (персидский и осетинский языки), Э. Генюшене (литовский), С. Ю. Дмитренко и Н. М. Спатарь (кхмерский), Д. В. Герасимовым (парагвайский гуарани), Д. А. Ермаковой (ингерманландский финский), Н. М. Заикой (баскский), В. А. Кагировой (грузинский), С. Б. Клименко (тагальский), Е. Е. Корди (французский), С. Г. Крамаровой (индонезийский), О. В. Кузнецовой (гуро), Д. Ф. Мищенко (лоома), С. А. Оскольской (нанайский, тувинский), М. Л. Федотовым (гбан), М. А. Холодиловой (мокша-мордовский, чувашский и финский), К. А. Шагал (финский). Ссылки на такие примеры приводятся с пометой «л.с.» (личное сообщение). Ответственность за возможные неточности в данных и ошибки в их интерпретации остается на мне.

близким по жанру текстом, посвященным полипредикативным, или клаузальным, причинным конструкциям [Заика 2019].

Естественно считать, что причинные конструкции — это такие конструкции, в которых выражаются причинные отношения. Проблема в том, что дать строгое логическое или когнитивное определение самих причинных отношений, пригодное для лингвистического исследования, видимо, невозможно (см. обзор возможных подходов и их критику в [Meuer 2000]). В большинстве предлагавшихся определений используются понятия вроде ‘каузировать’, ‘вызывать’, ‘обуславливать’, ‘возникать благодаря’ и т.д., что делает такие определения отчасти циркулярными. Здесь сами причинные отношения будут считаться неопределимым примитивом, см. также [Ziv 1993: 21; Иорданская, Мельчук 1996: 164; Богуславская, Левонтина 2004: 68].

На концептуальном уровне причинные отношения всегда связывают друг с другом две **ситуации**, или два положения вещей [Иорданская, Мельчук 1996: 172; Degand 2000: 688]. Так, в примере (1) выражаются причинные отношения между **ситуацией-причиной** («causing event») ‘мне так вздумалось’ и **ситуацией-следствием** («caused event») ‘я их проиграл’.

(1) *Я их проиграл, потому что так мне вздумалось* [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]²

Под именными причинными конструкциями будут пониматься такие причинные конструкции, в которых ситуация-причина синтаксически представлена в виде **именной группы**. Примеры таких структур из русского языка приведены в (2) и (3), при этом именные группы, соответствующие ситуациям-причинам, здесь и далее заключены в квадратные скобки³.

² Здесь и далее все пронумерованные русские примеры взяты из Национального корпуса русского языка [www.ruscorpora.ru].

³ Собственно именные группы, обозначающие ситуацию-причину в (2) и (3), — это *горе* и *такая говядина*. По техническим причинам аффиксы, оформляющие причинные именные группы, будут помещаться внутрь квадратных скобок, а выполняющие ту же функцию самостоятельные слова (например, предлоги) — нет.

(2) *Вы порядочно постарели от [горя] за последние полгода.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

(3) *Из-за [такой говядины] вспыхнул мятеж на броненосце "Потемкин".* [Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)]

Под **показателями** именной причины будут пониматься те показатели, при помощи которых маркируется семантическая и синтаксическая связь между именной группой, соответствующей ситуации-причине, и той синтаксической структурой, при помощи которой выражается ситуация-следствие⁴. В примерах (2) и (3) это сочетание предлога — *от* и *из-за* соответственно — и маркера родительного падежа. Здесь и далее именные показатели причины выделены жирным шрифтом.

Приведенные определения необходимо снабдить комментариями.

а) Именные конструкции причины ингерентно характеризуются несоответствием между формой (именная группа) и значением (ситуация). Среди сценариев возникновения такого несоответствия основными являются два (см. подробнее в [разделе 4.1](#)). Во-первых, вершинное имя в причинной именной группе может само по себе обозначать ситуацию, в частности являться отглагольной номинализацией, ср. *из-за [приезда гостей]*. Во-вторых, оно может репрезентировать ситуацию на основе метонимического переноса. Так, в примере (3) ситуация-причина состоит в том, что матросов кормили плохой говядиной, но синтаксически она свернута до именной группы, обозначающей одного из участников.

б) Из сказанного следует, среди прочего, что именные причинные конструкции не обязательно универсальны. В частности, и «сворачивание» пропозиции до номинализации с синтаксическими свойствами имени [Koptjevskaja-Tamm 1993: 253; 2013], и метонимический перенос с ситуации на имя участника — явления, которые наблюдаются не во всех языках мира. Судя по всему, в некоторых языках причинные

⁴ Ситуация-следствие обычно выражается при помощи полноценной клаузы, как в [примерах \(2\) и \(3\)](#), но в принципе может быть синтаксически свернута до иной структуры, например, до имени действия, ср. *ссора из-за денег*.

отношения регулярно выражаются только в полипредикативных конструкциях⁵.

Это обстоятельство следует иметь в виду при работе с анкетой, предлагаемой ниже. В конкретном языке переводные эквиваленты предложений, содержащих именные конструкции причины, могут не соответствовать принятому здесь определению именной причинной конструкции. Так обстоит дело в следующем индонезийском примере.

- (4) *Badan-nya menggigil ke-dingin-an*
Тело-3.POSS дрожать ADV-холодный-ADV
'Он дрожал от холода' (С. Г. Крамарова, л.с.)

Здесь ситуация-причина представлена не именной группой, а «адверсативной» формой стативного предиката (адверсатив — залог, выражающий значение подверженности неблагоприятному фактору). Таким образом, приведенная индонезийская конструкция не соответствует определению именной причинной конструкции (в отличие от ее русского эквивалента).

в) По только что изложенным причинам именные причинные конструкции часто оказываются синонимичны полипредикативным причинным конструкциям. Выбор синтаксически более свернутой именной конструкции может коррелировать с более данной информацией [Abraham 1991]. Выявление факторов, обуславливающих выбор между конструкциями, может быть затруднительно при отсутствии обширного корпуса текстов, однако при работе по анкете рекомендуется по возможности фиксировать степень естественности анализируемых структур. Так, носители ингерманландского финского признавали грамматически

⁵ При изучении многих грамматик мне не удавалось найти никаких следов именных причинных конструкций; например, такая ситуация фиксировалась для ряда языков Новой Гвинеи, включая скоу (< ско) [Donohue 2004], мотуна (< южнобугенвильские) [Onishi 2004], майбрат (< майбратские) [Dol 2007]). Разумеется, отсутствие упоминания некоторого явления в грамматике может объясняться разными причинами, поэтому утверждение об отсутствии именных причинных конструкций в этих и других языках требует дополнительной проверки.

приемлемым использование в (5a) именной причинной конструкции, но в качестве более естественного варианта предлагали клаузальную причинную конструкцию (5b).

(5a) *myö e-mmä männee-t metsää*
 мы NEG-1PL идти.ПТСР_PST-PL лес.ILL
 [suaje-n] **takke**
 дождь-GEN из-за

‘Из-за дождя мы не смогли пойти в лес’ (Д. А. Ермакова, л.с.)

(5b) *myö e-mmä männee-t metsää si-tä*
 мы NEG-1PL идти.ПТСР_PST-PL лес.ILL этот-PART
vart ko ol’ suaje
 для COMP быть.ПСТ.3SG дождь

‘Из-за дождя мы не смогли пойти в лес’ (Д. А. Ермакова, л.с.; букв. ‘из-за того, что шел дождь’)

г) Семантическая роль причины имеет определенное сходство с ролью агенса. Неудивительно, что один из способов выражения причинных отношений между ситуациями в языках мира — использование тех структур, в которых именная причина занимает позицию подлежащего при глагольной единице с каузативной семантикой, ср. *дождь затопил посевы, малярия убила сто человек* и т. д. В приведенных русских примерах ситуация-следствие (‘посевы залиты водой’, ‘сто человек умерло’) вообще не соответствует никакому линейному отрезку предложения. В языках с грамматическим каузативом аналогичные структуры могут содержать предикативные элементы, соответствующие следствию, как в тагальском примере (6).

(6) *Nag-pa-saya sa audience ang excerpt*
 PFV.STEM-CAUS-happy[AV] OBL NOM
 на b<in>asa=niya
 LK <PFV>read[PV]=3SG.ACT

‘Отрывок, прочтенный им, обрадовал аудиторию’ (С. Б. Клименко, л.с.)

В рамках этого исследования такие конструкции, в которых именная причина занимает синтаксическую позицию, ожидаемую

для агенса, как в (6), не рассматриваются в числе именных причинных конструкций. Конструкции с каузативными маркерами рассматриваются как именные причинные конструкции только в том случае, если в них на уровне кодирования фиксируются черты, отличающие их от обычных каузативных структур с агенсом-каузатором. Так обстоит дело в следующем кхмерском примере.

(7) *daoj-sa*: [*katta*: *ʔa:ka:saʔthiat*] *thvɜ:* *ʔaoj*
 REAS фактор погода делать CAUS
prvɔ̄ɔ̄ne:sa:t cap trəj mun₁ səw₂ ba:n
 рыбаки ловить рыба не.очень_{1,2} получать

‘Из-за погодного фактора улов у рыбаков не слишком велик’ (С. Ю. Дмитренко, Н. М. Спатарь, л.с.)

В приведенном примере каузальная связь между ситуациями выражена дважды: не только глагольным аналитическим маркером, что ожидалось бы при обычном одушевленном агенсе-каузаторе, но и при помощи маркера *daoj-sa:*, которым маркируются именно причины, но не агенсы.

Дальнейшее обсуждение в этой статье построено по следующей схеме. Каждый (под)раздел начинается с вопроса типологической анкеты по изучению именных причинных конструкций (вопрос выделен жирным шрифтом). Дальнейшее обсуждение в каждом (под)разделе мыслится как комментарий к вопросу. Предполагается, что на первом этапе работы исследователь сможет идентифицировать дискретный набор конструкций анализируемого языка, удовлетворяющих принятому определению именной причинной конструкции и различающихся по формальной структуре (используемым показателям). В следующих трех разделах рассматриваются такие параметры, по которым может быть охарактеризована каждая из выявленных конкретноязыковых конструкций. В [разделе 2](#) анализируются формальные свойства именных причинных конструкций. В [разделе 3](#) обсуждаются семантические разновидности причинных отношений, а в [разделе 4](#) — другие потенциально релевантные свойства конструкций и входящих в их состав показателей. В [разделе 5](#) представлены те свойства, которые характеризуют уже целостные системы именных

причинных конструкций, обнаруживаемые в отдельных языках. В последнем разделе представлены краткие заключительные комментарии.

2. Структурные свойства

2.1. Зависимостное и вершинное маркирование

Какие вершинные и/или зависимостные маркеры используются в именной причинной конструкции?

В обычном случае показатель именной причинной конструкции синтагматически ассоциируется либо с самой именной группой (зависимостное маркирование), либо с синтаксической вершиной — глаголом, возглавляющим ту клаузу, в которой выражается ситуация-следствие (вершинное маркирование). Зависимостное маркирование именной причины более привычно для хорошо описанных европейских языков и, видимо, типологически более распространено. В качестве зависимостных маркеров могут использоваться аффиксы и адлоги (предлоги или послелоги), а также их сочетания. В обычном случае приименные аффиксы — это падежные маркеры, как в чешском примере (8), где используется инструменталис, но в принципе приименные причинные аффиксы могут не встраиваться в категорию падежа и/или обнаруживаться в языках, где морфологического падежа нет. Русский перевод примера (8) иллюстрирует возможность использования сочетания предлога и падежа для выражения значения причины.

(8) *Bylo jim, jako by stáli uprostřed sněžové pláně a třásli se [zimou].*

‘Им казалось, словно они стоят посреди снежной пустыни и дрожат от [холода]’ (М. Кундера, «Невыносимая легкость бытия»)⁶

Вершинный маркер именной причины проиллюстрирован в примере (9) из языка барупу (< ско, Новая Гвинея).

⁶ Пример взят из ParaSol — A Parallel Corpus of Slavic and other languages (<http://www.parasolcorpus.org/>).

- (9) *k-en-kéni-n-ô-[wa]*
 REAL-1SG.F.SBJ-sit.1SG.F.SBJ-1SG.SBJ-because-
 3SG.M.OBJ
 ‘I’m staying behind because of him’ [Foley 2018: 916]

В этом примере использован специализированный аппликативный показатель *ô*, который сигнализирует включение в число объектов участника с ролью причины⁷. В качестве именной причинной конструкции могут рассматриваться и структуры, в которых показатель на вершинном глаголе маркирует тот факт, что участник с ролью причины занимает позицию подлежащего. Так обстоит дело, например, в конструкциях «каузального залога»⁸ в тагальском языке.

- (10) *I-k<in>a-tuwa=niya*
 CAUSALV-<PFV>STEM-обрадоваться=3SG.ACT
 [*ang pag-lipat sa bago=ng trabaho*]
 NOM NMLZ-перемещаться OBL новый=LK работа
 ‘Он обрадовался из-за перехода на новую работу’
 (С. Б. Клименко, л.с.)

В именной конструкции причины может одновременно использоваться несколько маркеров. В частности, пример (7) может трактоваться как случай одновременного использования вершинного и зависимостного маркеров именной причины.

2.2. Линейная позиция именного причинного выражения

Каковы возможные линейные позиции именного причинного выражения в составе клаузы? Отличаются ли эти возможности от тех, которые фиксируются для других групп того же морфосинтаксического типа?

В обычном случае именные причинные выражения обладают теми же позиционными свойствами, что и другие

⁷ В данном примере этот участник выражен только внутри полисинтетической глагольной словоформы, но в принципе мог бы быть поддержан и самостоятельной именной группой вне глагола.

⁸ Каузальный залог не следует путать с каузативом: в каузальном залоге в приоритетную позицию помещается именно причина, а не обычный агенс-каузатор (см. выше об исключении обычных каузативных структур из числа конструкций именной причины).

зависимые того же типа (именные группы, предложные группы и т. д.). Однако иногда такой параллелизм нарушается. Так, в гбан (< манде, Кот-д’Ивуар) причинная конструкция с послелогом *lɛ* ‘из-за’ тяготеет к начальному положению в составе клаузы, даже если она входит в фокус ремы, как в (11), хотя в нормальном случае начальная позиция в гбан ассоциируется с темой.

- (11) — [*Bé li*] *lɛ* *n* *a'* *yèkɛ* ?
 что FOC_OBJ из_за 2SG\PSTего делать[PFV.HOD]
 ‘Почему ты это сделал?’
 — [*É li*] *lɛ*, *m* *a'* *yèkɛ*
 ты FOC_OBJ из_за 1SG\PSTего делать[PFV.HOD]
 ‘Я сделал это из-за тебя’ (М. Л. Федотов, л.с.)

3. Разновидности причинных значений

3.1. Параметры семантического варьирования именных конструкций причины

Какие семантические типы причинных отношений может выражать конкретная именная причинная конструкция? Какой набор семантических признаков является необходимым условием для использования конкретной конструкции?

В этом разделе рассматриваются параметры варьирования семантических отношений, которые могут фиксироваться в именных причинных конструкциях. Предполагается, что эти параметры могут быть релевантны для описания конкретноязыковых именных причинных конструкций, то есть влиять на возможность их употребления. При составлении этого списка я преимущественно опирался на сведения, представленные в имеющихся описаниях именных причинных конструкций в отдельных языках [Ивић 1954; Radden 1985; Dirven 1995; Иорданская, Мельчук 1996; Левонтина 2003; Israeli 2015; Klanguová 2017; Uhlik, Žele 2020, и др.].

Предлагаемый список не мыслится как исчерпывающий, хотя бы по соображениям объема. В самом деле, для описания всего пяти русских причинных предлогов в работе [Иорданская, Мельчук 1996] используется 19 признаков; при построении исчерпывающего списка, ориентированного на работу со всем

множеством языков мира, это число должно было бы быть многократно увеличено. Предполагается, что при описании дистрибуции причинных конструкций в конкретном языке исследователи будут фиксировать релевантные семантические параметры, даже если они не входят в предлагаемый список, здесь же предпочтение отдано тем признакам, роль которых представляется особенно важной.

Описание конкретных параметров строится по стандартной схеме. В каждом пункте сначала называется дискретное (обычно бинарное) семантическое противопоставление. При работе с конкретноязыковой причинной конструкцией исследователь должен установить, реагирует ли она на данный параметр (может использоваться лишь при определенном значении или определенных значениях параметра) или нейтральна по отношению к нему. При такой работе может помочь список диагностических предложений, предложенный в разделе 3.2. Далее в каждом пункте кратко обосновывается включение конкретного параметра в предлагаемый список признаков.

3.1.1. Объективная и субъективная причина. В случае объективной причины «говорящий описывает объективную связь, которую он усматривает между явлениями действительности» [Левонтина 2003: 431]. В случае субъективной причины речь идет «о мотиве, побуждающем человека действовать определенным образом» [ibid.]⁹.

Этот параметр иногда обозначается как противопоставление неволитивной и волитивной причины. Представляется, что эти термины не совсем удачны, поскольку могут быть спутаны с (не)волитивностью ситуации-следствия. Однако в действительности между двумя параметрами есть различие: если у неволитивной ситуации может быть только объективная причина, то у волитивного действия может быть как субъективная ('Я зашел внутрь из любопытства'), так и объективная причина ('Я зашел внутрь по глупости').

⁹ Здесь и далее проводится противопоставление по линии человек vs. все остальное. На самом деле животные, а иногда и другие сущности (воображаемые существа, организации и т. д.) могут отображаться в семантических моделях действительности так, как это свойственно людям. Эти пограничные случаи здесь не рассматриваются.

Противопоставление объективной и субъективной причин влияет на выбор конструкции во многих языках. Так, нидерландский предлог *door* обычно используется для выражения объективных причин, как в (12), а предлоги *wegens* и *vanwege* — для выражения субъективных причин, как в (13).

(12) **Door** [*de Duitse eenwording*] *is de uitvoer naar onze oosterburen het afgelopen jaar fors toegenomen...*

‘Благодаря объединению Германии экспорт в нашу восточную страну-соседку в прошлом году значительно вырос’ [Degand 2000: 695, перевод мой — С.С.]

(13) *Het publiek staat al vanwege* [*Het Volkslied*].

Букв. ‘Публика уже стоит из-за гимна’ [Degand 2000: 698, перевод мой — С.С.]

3.1.2. *Непосредственная или опосредованная причина.* Этот параметр отражает то, насколько тесно связаны друг с другом причина и следствие [Radden 1985: 201; Dirven 1995: 117; Левонтина 2003: 431]. В примерах (14) и (15) ситуация-причина обозначается одним и тем же существительным — *холод*, — но в примере (14) описывается прямая физиологическая реакция на низкую температуру, а в примере (15) речь идет о более отдаленном следствии пребывания на холоде, что подчеркивается использованием вторичного предлога *вследствие*.

(14) *Уже в подъезде от [холода] перехватило дыхание.* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]

(15) *... у других пальцы на ногах отмерзли вследствие [холода].* [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005]

В конструкциях, выражающих опосредованную причину, существенные звенья каузальной цепочки не выражаются эксплицитно и в принципе могут оставаться непонятны слушателю. Так, на реплику типа *Мы опоздали из-за Васи* вполне можно ожидать уточняющей реакции типа *А что он сделал?* Для конструкций, выражающих непосредственную причину, такие уточнения обычно не требуются.

3.1.3. *Внутренняя или внешняя причина.* К внутренним относятся такие причины, которые «корен[я]тся в свойствах или

состоянии какого-то человека» [Левонтина 2003: 431], к внешним — все остальные. Хотя этот признак, как и противопоставление субъективной и объективной причины, связан с участием или неучастием в каузальной цепочке человека, каждое из значений одного параметра принципиально сочетается с каждым из значений другого. Субъективная причина может быть и внутренней (*убил из ревности*), и внешней (*остался дома из-за матери*); то же верно и для объективной причины: она может быть и внутренней (*покраснел от напряжения*), и внешней (*не мог заснуть из-за комаров*).

В соответствии с принятым здесь определением причина может считаться внутренней только в том случае, если в ситуацию-следствие вовлечен тот или иной человек. Причинные отношения в физическом мире автоматически причисляются к числу внешних. Иное терминологическое решение принято в [Иорданская, Мельчук 1996]: здесь причину предлагается считать внутренней, если она коренится в том «X-е» (не обязательно человеке!), который является центральным участником ситуации-следствия. Таким образом, Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук относят к числу внутренних и причины в конструкциях вроде *От дыр в потолке в комнате было светло* [ibid.].

Противопоставление внутренних и внешних причин в используемом здесь понимании широко обсуждается в литературе о русских причинных конструкциях [Онипенко 1985, Богуславская, Левонтина 2004], в частности, в ней указывалось, что такие предлоги, как *из*, *по*, *с* могут выражать только внутренние причины, ср. *из ревности*, *по скромности*, *с горя*. Для английского языка этот признак подробно обсуждается в [Dirven 1995: 109ff.].

3.1.4. Временное соотношение причины и следствия: дистантное предшествование, контактное предшествование, одновременность и т.д. Параметр временной дистанции играет ключевую роль при выборе маркеров именной причины в каялдилт (< танкийские, Австралия). Согласно описанию Н. Эванса, здесь для обозначения таких причин, которые предшествуют ситуации-следствию, используется один показатель (16), а в случае если “a cause is still present and effective at the time of the proposition” («причина продолжает

присутствовать и действовать в тот момент, к которому относится пропозиция») [Evans 1995: 140] — другой (17).

(16) *niya* [warrku-**ngarrba**] *bukawa-th*
3SG.NOM sun-CONS die-REAL
'He died because of the sun / after being in the sun' [ibid.: 159]

(17) *ngada* *yiiwi-nangku* [*niwan-ju* *kirrbuyii-n-ku*]
1SG.NOM sleep-NEG.POT 3sg-MPROP snore-NMLZ-
MPROP
'I can't get to sleep for his snoring' [ibid.: 141]

Полное и непротиворечивое исчисление возможных значений обсуждаемого признака затруднительно. Так, определенную роль может играть продолжительность интервала между причиной и следствием (см. об этом [Левонтина 2003: 431] в связи с русскими и [Dirven 1985: 109; Radden 1985: 189] в связи с английским), а априорную классификацию интервалов построить невозможно. Помимо несомненного предшествования и несомненной одновременности, встречаются случаи, когда ситуация-причина начинается до ситуации-следствия, но потенциально продолжается и одновременно с ситуацией-следствием (ср. 'я уже устал от этого шума'). Особенную сложность представляют собой случаи, когда в ситуацию-следствие вовлечен одушевленный участник, в психике которого отражаются события внешней действительности. В таких случаях ситуация-причина может иметь двойную семантическую репрезентацию. Так, в ситуации 'Девочка сердится на подругу', 'подруга', с одной стороны, приняла участие в какой-то предшествующей ситуации, вызвавшей эмоциональную реакцию девочки, но с другой стороны, отражена в ментальном мире 'девочки' в тот самый момент, когда она испытывает описываемую эмоцию, см. [Radden 1985: 183; Croft 1993: 63–64; Verhoeven 2007: 62–63; Овсянникова, Сай 2014] об этой особенности глаголов эмоций. Такой случай можно трактовать как совмещение предшествования и одновременности. Подобным образом в некоторых конструкциях субъективной причины можно говорить о совмещении предшествования и следования. Так, если ситуацию можно представить словами *братья поссорились из-за наследства*, то, вероятнее всего, есть как

предшествующее событие, спровоцировавшее ссору (например, чья-то смерть и, как следствие, возникновение наследства), так и предполагаемая ссорящимися ситуация в относительном будущем (обладание наследством)¹⁰. Без упоминания какого-либо из этих компонентов описание семантики такой конструкции будет неполным¹¹.

3.1.5. *Оценка ситуации-следствия: отрицательная, положительная, нейтральная.* В ряде языков представлены такие маркеры причины, дистрибуция которых ограничена ситуациями с отрицательной или с положительной оценкой события-следствия. Вторая возможность проиллюстрирована в примере (18) из грузинского языка.

- (18) [komp'ort'ul-i skam-is] cqalob-it' me ar
Комфортный-NOM стул-GEN милость-INS я не
viqavi daylil-i
быть:AOR:1SG усталый-NOM
'Благодаря удобному стулу я не устал' (В. А. Кагирова,
л.с.)

Нередко ограничения могут быть сформулированы менее жестко. Так, некоторые показатели допустимы в отрицательных и нейтральных контекстах, но невозможны при положительной оценке следствия: так обстоит дело с русским предлогом *из-за* [Иорданская, Мельчук 1996: 171; Левонтина 2003: 431] или с показателем элатива в ингерманландском финском (Д. А. Ермакова, л.с.)¹². В целом причинные конструкции чаще

¹⁰ Благодаря второму компоненту семантика конструкции приобретает черты, характерные для целевых конструкций.

¹¹ Признак временной соотнесенности между причиной и следствием тесно связан с параметром, по которому противопоставлены прямые и опосредованные причины, но исчисление возможных сценариев взаимодействия между параметрами не входит в задачи этого раздела.

¹² Разумеется, как и в случае других семантических параметров, роль семантики оценки может меняться со временем. Так, чешский предлог *díku* по происхождению связан с положительной оценкой (ср. немецкий предлог *dank* 'благодаря' и др.), но в современном языке утрачивает оценочный компонент (М. Гигер, л.с.).

используются в контекстах с отрицательно оцениваемыми ситуациями (смерть, болезнь, неудачи, отрицательные эмоции, отсутствие чего-либо), чем в контекстах с положительно оцениваемыми ситуациями (см. о функционировании причинных конструкций в дискурсе [Ford 1994]).

Определенную роль может играть и то, кто является носителем оценки. Тут возможны как минимум два варианта: это может быть говорящий или центральный участник события-следствия. Эти два аспекта могут нетривиальным образом взаимодействовать в рамках семантики определенного показателя, см. обсуждение русского предлога *из-за* в [Иорданская, Мельчук 1996: 170–172].

Во многих языках мира существуют и конструкции, при помощи которых маркируется расхождение между высказываемым некоторым протагонистом поводом к осуществлению действия и оценкой говорящего, не соглашающегося с этой оценкой. Эта возможность иллюстрируется французским примером (19), где использован слабо грамматикализованный предлог *sous prétexte de* ‘под предлогом’.

(19) *Mais sous prétexte de [pénitence], Monaco – le cardinal Monaco La Valette – l'enferma dans le Château Saint-Ange où il gémit depuis trois ans.*

‘Но, под предлогом покаяния, Монако — кардинал Монако ла Валетт — запер его в замке Сент-Анж, где он томится уже три года’. (A. Gide. *Les caves du Vatican*) (Е. Е. Корди, л.с.)

Конструкции мнимой причины не соответствуют принятому здесь определению именных причинных конструкций, но сближаются с ними по некоторым семантическим параметрам.

3.1.6. *Присутствуют ли отношения кореферентности между участниками ситуации-причины и ситуации следствия: да (между какими?) или нет.* Этот параметр тесно связан с противопоставлением внешних и внутренних причин: если причина внутренняя, это обычно означает, что на уровне семантики у двух ситуаций есть общий центральный участник (ср. *заплакал от боли* — плачет то лицо, которое испытывает боль). Однако два параметра не идентичны. Так, некоторые

причинные конструкции обычно употребляются при том условии, что ситуация-следствие направлена на того участника, на которого возлагается ответственность за ситуацию-причину. Такова, например, русская причинная конструкция с предложением *за* и винительным падежом, ср. (20), где причиной является поведение того самого лица, которое выгоняют из школы.

(20) ... *он сейчас же меня выгонит из школы за [дурное поведение]*. [А. И. Куприн. Яма (1909-1915)]

Хотя конструкция из предлога *за* и винительного падежа не всегда требует такого типа кореферентности, как в примере (20), она во многих случаях реагирует на этот признак, ср. *??моим родителям позвонили из школы за (мое) дурное поведение*.

3.1.7. *Является ли причина онтологической или эпистемической?* Во всех случаях, обсуждавшихся до сих пор, речь шла об онтологических причинах: ситуация-причина обуславливает ситуацию-следствие во внешней действительности. Однако хорошо известно, что в области полипредикации причинными конструкциями иногда могут выражаться и эпистемические отношения¹³: в качестве «причины» в таких случаях выступает обозначение ситуации, знание о которой позволяет говорящему сделать вывод о том, что синтаксически выражается как «следствие», см. обсуждение в [Заика 2019: 20–21] и пример (21), взятый отсюда же.

(21) *Преподаватель заболел, потому что занятия отменили*.

Эпистемические именные причинные конструкции, видимо, маргинальны [Левонтина 2003]. Так, конструкция *Преподаватель заболел из-за отмены занятий* может иметь

¹³ У полипредикативных конструкций фиксируется и так называемое иллокутивное значение причины [Заика 2019: 19–20], также известное как “speech-act causal meaning” в трехчастной классификации причинных значений, предложенной в [Sweetser 1990: 76ff.], ср. в русском *Говори быстрее, потому что я уезжаю* [Пекелис 2017: 55]. Пока что мне неизвестны именные причинные конструкции с таким значением, ср. гипотетическое **Говори быстрее из-за моего отъезда*. В случае обнаружения таких структур они должны быть отмечены в заполненной анкете.

только (прагматически маловероятное) онтологическое прочтение. Иногда утверждается, что именные конструкции вообще не могут иметь эпистемическую функцию¹⁴. В ходе исследования необходимо проверить этот тезис эмпирически.

3.1.8. Является ли отношение между причиной и следствием логико-семантическим: да или нет. Еще одним периферийным типом значения, который может обнаруживаться у причинных конструкций, является логико-семантическое значение, при котором «следствие» является прямым логическим выводом из «причины». И. Б. Левонтина усматривает такое значение в некоторых контекстах с предлогом *в силу*, ср. *Вывод неверен в силу ложности посылки* [Левонтина 2003: 434]. Этот тип значения, вероятно, маргинален для именных причинных конструкций, но в принципе конструкции с такой семантикой могут быть обнаружены.

3.2. Список диагностических предложений

Для выражения каких из стимулов, включенных в анкету, может быть использована конкретная именная конструкция причины?

В этом разделе приводится список из 54 стимулов, которые могут использоваться при сборе данных об именных причинных конструкциях в конкретных языках¹⁵.

Список стимулов не претендует на полный охват возможных противопоставлений. Сбор переводов стимулов может помочь при описании системы именных причинных конструкций в конкретном языке, но не может заменить анализ параметров, обсуждаемых в других разделах статьи.

¹⁴ Ср. для нидерландского: «prepositions may only be used to establish a relation between units referring to states of affairs in the world; not to justify or motivate a previous claim, belief, or statement (interpersonal domain); nor to establish a purely rhetorical relation (textual domain)» [Degand 2000: 691].

¹⁵ Стимулы частично основаны на примерах, встретившихся в грамматиках, корпусах и работах по причинным конструкциям, но в большинстве случаев так или иначе модифицированы. По этой причине, а также из соображений объема ссылки на использовавшиеся при составлении анкеты источники не приводятся.

Сами стимулы представлены в левом столбце [Таблицы 1](#). Большинство стимулов — полноценные предложения на русском (исключения — случаи, когда в анкете заложено некоторое значение которое мыслимо для именных причинных конструкций, но которое при этом не может быть выражено такой структурой в русском языке; в таких случаях позиция для предлога в русской структуре замещается знаком <?>). Именная группа, соответствующая ситуации-причине, заключена в квадратные скобки, а предлог, выступающий в качестве маркера причины, — в угловые. При необходимости в фигурных скобках приводится левый или правый контекст, уточняющий необходимый смысл. Во многих примерах в качестве актантов упоминаются ‘мужчина’ и ‘женщина’ — при работе с носителями их можно заменить на произвольные подходящие обозначения лиц (личные имена, местоимения и т. п.).

Таблица 1. Стимульные предложения и их характеристика по основным семантическим параметрам¹⁶

	объективность	непосредственность	внутренние / внешние	временные отношения
1) Платок намок <от> [слез].	ОБ	Н	ВНЕ	О
2) Ветка сломалась <от> [тяжести].	ОБ	Н	ВНЕ	О
3) Женщина кашляет <от> [дыма].	ОБ	Н	ВНЕ	О
4) Мы не видим берег <из-за> [темноты].	ОБ	Н	ВНЕ	О

¹⁶ В [Таблице 1](#) используются следующие обозначения. Объективность причины: объективные — ОБ, субъективные — СУБ. Непосредственность: непосредственные — Н, опосредованные — О. Внешние причины — ВНЕ, внутренние — ВНУ. Временные отношения: одновременность — О, предшествование — П.

5) Мужчину арестовали <по> [ошибке]. {Он однофамилец преступника}.	ОБ	Н	ВНЕ	
6) Дерево упало <от> [ветра].	ОБ	Н	ВНЕ	
7) Мужчина погиб <от> [удара тока] {сразу}.	ОБ	Н	ВНЕ	
8) Женщина проснулась <от> [шума].	ОБ	Н	ВНЕ	
9) У мужчины <от> [пива] болит голова.	ОБ	Н	ВНЕ	П
10) {Щенок смешно кувыркается} Женщина рассмеялась <?> [щенок].	ОБ	Н	ВНЕ	
11) Мужчина умер <от> [ядовитой рыбы] {через два дня после отравления}.	ОБ	Н	ВНЕ	П
12) Девочка довольна [своей оценкой].	ОБ	Н	ВНЕ	
13) {Мужчина сказал что-то плохое}. Жена рассердилась <на> [слова мужа].	ОБ	Н	ВНЕ	
14) Мальчик в восторге <от> [этой идеи] {папа предложил ему сходить на футбол}.	ОБ	Н	ВНЕ	
15) Мужчина ослабел <от> [голода].	ОБ	Н	ВНУ	О
16) Мужчина умер <от> [голода].	ОБ	Н	ВНУ	О
17) Мужчина кричит <от> [боли].	ОБ	Н	ВНУ	О
18) Женщина дрожит <от> [холода].	ОБ	Н	ВНУ	О
19) Ребенок заплакал <от> [страха].	ОБ	Н	ВНУ	О
20) Ребенок рассмеялся <от> [радости].	ОБ	Н	ВНУ	О
21) Ребенок <от> [страха] спрятался в сарае ¹⁷ .	ОБ	Н	ВНУ	О
22) Мужчина <по> [скромности] промолчал.	ОБ	Н	ВНУ	О
23) Женщина <в> [страхе] схватила брата за руку.	ОБ	Н	ВНУ	О
24) Женщина устала <от> [работы].	ОБ	Н	ВНУ	П

¹⁷ Подобные примеры пограничны по признаку объективности или субъективности, но в русском стимуле предлог *от* тут противопоставлен *из*, который определенно передавал бы значение субъективной причины.

25) Женщина не может заснуть <из-за> [комаров].	ОБ	О	ВНЕ	О
26) Вода кажется светлой <из-за> [луны].	ОБ	О	ВНЕ	О
27) Мужчина удачно сходил на охоту <благодаря> [собаке].	ОБ	О	ВНЕ	О
28) {Мужчина сказал что-то плохое}. Жена рассердилась <на> [мужа] ¹⁸ .	ОБ	О	ВНЕ	
29) Женщина опоздала на работу <из-за> [мужа] {он забыл дома ключи от машины}.	ОБ	О	ВНЕ	П
30) Люди погибли <из-за> [землетрясения] {шахтеры оказались заперты в шахте, и их не смогли спасти}.	ОБ	О	ВНЕ	П
31) Все беды происходят <из-за> [человека / людей].	ОБ	О	ВНЕ	
32) Мужчина стал лучше видеть <благодаря> [операции].	ОБ	О	ВНЕ	П
33) Женщина жива <благодаря> [этому мужчине] {он нашел ее, когда она заблудилась в лесу}.	ОБ	О	ВНЕ	П
34) Мужчина рассказал об этом жене <по> [глупости]. ¹⁹	ОБ	О	ВНУ	О
35) Женщина поскользнулась <по> [неосторожности].	ОБ	О	ВНУ	О
36) Пилот смог посадить самолет <благодаря> [большому опыту].	ОБ	О	ВНУ	П

¹⁸ Этот пример попадает в класс опосредованных, в отличие от 13), т. к. в нем отсутствует одно из звеньев в каузальной цепочке.

¹⁹ Отнесение этого контекста к классу опосредованных причин небесспорно. Такое аналитическое решение принято на том основании, что непосредственной причиной действия мужнины в описываемой ситуации мог быть какой-то фактор, присутствующий в ситуации (гнев, желание поддержать разговор и т. д.), а приписывание этого действия «глупости» является лишь интерпретацией, принадлежащей говорящему. В этом смысле эта ситуация потенциально отличается от тех, что представлены в 39), 40) или 41).

37) Пилот не смог посадить самолет <из-за> [неопытности].	ОБ	О	ВНУ	
38) Во время войны люди <с> [голода] ели траву.	СУБ	Н	ВНУ	О
39) Женщина зашла внутрь <из> [любопытства].	СУБ	Н	ВНУ	О
40) Мужчина убил жену <из> [ревности].	СУБ	Н	ВНУ	О
41) Мужчина всем об этом рассказал <из> [тщеславия].	СУБ	Н	ВНУ	О
42) Женщина разбила всю посуду <от> [злости].	СУБ	Н	ВНУ	О
43) Женщина легла спать одетой <из-за> [холода] ²⁰ {у нее сломалась печка}.	СУБ	О	ВНЕ	О
44) Учитель похвалил ученика <за> [его костюм].	СУБ	О	ВНЕ	
45) Мужчина побил соседа <за> [его слова].	СУБ	О	ВНЕ	П
46) Дети подрались <из-за> [мяча].	СУБ	О	ВНЕ	
47) Мужчина поссорился с братом <из-за> [наследства].	СУБ	О	ВНЕ	
48) Женщина купила эту книгу <из-за> [рисунков].	СУБ	О	ВНЕ	О
49) Женщина не стала встречаться с подругой <из-за> [плохого настроения].	СУБ	О	ВНУ	О
50) <Судя по> [лужам], ночью шел дождь.	эпистемическая			
51) <Судя по> [пузырькам], вода уже закипела.	эпистемическая			

²⁰ См. о противопоставлении холода (*cold*) как «внешней» или «внутренней» причины в [Dirven 1995: 109].

52) Заходи в дом <?> [холод]. ²¹	иллокутивная
53) Где мой свитер <?> [холод]?	иллокутивная
54) Это число не может быть меньше единицы <в силу> [математических законов].	логическая

В [Таблице 1](#) стимулы охарактеризованы по первым четырем семантическим признакам причинных отношений, которые обсуждались в [разделе 3.1](#) (см. [сноску 16](#)). Все признаки интерпретируются как бинарные, хотя в некоторых случаях это представляет собой значительное упрощение.

Особые сложности касаются признака временных отношений (см. [3.1.4](#)). Как следствие, по этому параметру охарактеризованы не все примеры. Пропуски в таблице появляются по разным причинам. Так, в [примере 5](#)) — ‘арестовали по ошибке’ — ошибка, собственно говоря, и состоит в аресте случайного человека, таким образом, это пример «интерпретационной» конструкции. Между двумя ситуациями здесь наличествует особое отношение, не сводимое к одновременности — «коинциденция», если использовать термин, предложенный в [Вимер 2004]. В примерах [28](#)), [46](#)) и [47](#)) наблюдается типичное для многих глаголов (особенно для эмотивных) сочетание объективного предшествования и субъективной одновременности / следования (см. об этом в [3.1.4](#)). Перечисление сложностей можно было бы продолжить.

В [Таблице 1](#) отражено только 4 признака из 8, введенных в [разделе 3.1](#). Признаки оценки (см. [3.1.5](#)) и кореферентности

²¹ Значения, представленные под номерами [52](#))–[53](#)), не могут быть выражены именными причинными конструкциями в русском языке, но теоретически могут быть выражены такими конструкциями в изучаемых языках. В качестве «подсказки» при эликации могут использоваться конструкции типа «Где мой свитер, а то на улице холодно?» и т.п.

участников двух ситуаций (см. 3.1.6) не отражены в Таблице 1 в виде отдельных столбцов, но в предложенных стимулах представлены и различные варианты оценочного компонента, и различные конфигурации кореферентных отношений. Очень многие примеры анкеты имеют отрицательную окраску: это может создавать трудности при работе с информантами, но отражает объективное тяготение именных причинных конструкций к негативной семантике.

Наконец, такие специфические семантические разновидности причинных значений, как эпистемическое, иллюкутивное и логическое (см. обсуждение в 3.1.7 и 3.1.8), представлены примерами 50)–54). Эти конструкции лежат в иной плоскости, чем конструкции с онтологическими причинами, поэтому они не охарактеризованы по основным семантическим параметрам.

Примеры в Таблице 1 упорядочены по значениям четырех базовых семантических признаков: в верхней части приведены контексты с объективными причинами, а в нижней — с субъективными; в рамках каждой из групп сначала приводятся конструкции с семантикой непосредственной причины, а потом конструкции с опосредованной причиной; и так далее. Собственно говоря, комбинации значений четырех базовых семантических параметров лежали в основе составления анкеты. В идеале анкета могла бы представлять собой набор предложений, в которых были бы представлены все логические комбинации значений всех отдельных признаков, но в реальности от построения анкеты по такому принципу пришлось отказаться.

Во-первых, последовательное отражение всех мыслимых комбинаций всех потенциально релевантных признаков привело бы к созданию такой громоздкой анкеты, которую было бы сложно использовать на практике.

Во-вторых, некоторые комбинации признаков явно затруднительны или даже невозможны. Например, явно периферийны ситуации, в которых причина является внутренней и при этом отчетливо предшествует следствию. Этими признаками обладают только два примера анкеты — 24) и 36), — и оба они неоспорны. Редкость внутренних причин, дистантно предшествующих следствиям, обусловлена тем, что типовая

внутренняя причина — это свойство (*тщеславие*) или состояние (*страх*) того лица, которое участвует в ситуации-следствии.

Итак, если те или иные логически возможные комбинации четырех бинарных признаков не фиксировались при рассмотрении естественного материала и при анализе литературы по причинным конструкциям, такие комбинации не попадали в анкету. При этом в анкете отражены некоторые такие комбинации признаков, которые легко представимы, но при этом едва ли могут быть выражены при помощи именной причинной конструкции в русском языке. В таких случаях на месте причинного послелого ставился вопросительный знак, а предполагаемое обозначение причины приводилось в форме именительного падежа. При работе по анкете необходимо выяснить, может ли представленная в анкете ситуация быть выражена именной причинной конструкцией в изучаемом языке. Другими словами, предлагаемая анкета мыслится не как собственно список предложений для перевода, а как набор возможных ситуаций с причинными отношениями.

Многие комбинации значений четырех признаков представлены в анкете сразу несколькими примерами. Обычно такие примеры различаются по каким-либо параметрам, кроме основных четырех: по оценочному компоненту (3.1.5), временным отношениям (3.1.6), по свойствам самих тех ситуаций, которые связаны причинными отношениями (см. 4.1 ниже), и т. д.

Наконец, необходима еще одна оговорка. Работа с набором стимульных предложений неизбежно опирается на идею дискретной границы между причинными конструкциями и «всем остальным». Очевидно, такой дискретной границы на самом деле не существует [Dirven 1995]. Хотя ситуации, представленные в [Таблице 1](#), в целом соответствуют принятому определению причинной конструкции, среди них есть структуры, которые по значению смыкаются с другими семантическими зонами. Например, непосредственные объективные одновременные причины в физическом мире могут быть близки к семантике простого физического контакта, как в [стимуле 1](#)) — ‘Платок намок от слез’. В случае, если ситуация-следствие относится к зоне эмоций, причина смыкается с ролью содержания, см. раздел

3.1.4 и ссылки в нем, а также [Ovsjannikova, Say 2020]. Субъективные мотивы, объясняющие контролируемые действия, часто сближаются с целями. Есть и другие когнитивные сферы, которые могут смыкаться с зоной причинности, — их обзор можно найти, например, в [Dirven 1995]; в этой же работе показывается, что такие сближения могут влиять на выбор причинного показателя.

4. Другие свойства именных причинных конструкций

4.1. Сочетаемость

Поскольку причинные конструкции по определению выражают отношения между ситуацией-причиной и ситуацией-следствием, основные комбинаторные свойства этих конструкций связаны с тем, как именно они взаимодействуют а) с обозначением причины (4.1.1 и 4.1.2) и б) с обозначением следствия (4.1.3 и 4.1.4). При работе с конкретным языком необходимо ответить на следующие вопросы о сочетаемостных свойствах именных причинных конструкций.

Является ли именная причинная конструкция свободной или фразеологизованной? Какие типы именных групп, соответствующих ситуации-причине, могут в ней использоваться? Какие предикаты могут использоваться в клаузе, обозначающей ситуацию-следствие?

Отвечая на эти вопросы применительно к конкретным конструкциям, исследователь может учитывать соображения, изложенные в [разделах 4.1.1–4.1.4](#), однако построить априорную сетку дискретных параметров в данном случае не представляется возможным.

4.1.1. Степень свободы. Показатели причины, которые могут сочетаться с любой подходящей по смыслу именной группой, называются **свободными** (этот случай можно считать дефолтным), а показатели, которые сочетаются только с ограниченным набором именных причин, — **фразеологизованными**. Примером фразеологизованного причинного показателя в русском языке является предлог *с*: очень часто он может сочетаться в причинном значении с тем или иным существительным, но не с другими словами из той же

семантической группы, ср. с *досады*, но *с *гнева* [Иорданская, Мельчук 1996: 190].

В предельном случае полное описание фразеологизованных конструкций конкретного языка может включать их полексемную характеристику. Более того, в идеале описание должно учитывать и количественные тенденции. Так, например, как показывают данные НКРЯ, русское существительное *страх* в рамках причинных конструкций в основном сочетается с предлогом *от*, а предлог *из*, хотя он тоже грамматически возможен, встречается примерно в 7 раз реже. Для близкого по значению (но более редкого) существительного *боязнь* соотношение обратное: коллокация *из боязни* встречается в текстах в 5–6 раз чаще, чем *от боязни*.

4.1.2. *Свойства именной группы, обозначающей ситуацию-причину*. Как уже было сказано в разделе 1, именные группы в составе причинных конструкций делятся на два основных класса: они могут напрямую обозначать **ситуацию** (ср. *из-за войны*) или реферировать к тому или иному **участнику** ситуации и интерпретироваться метонимически (ср. *из-за соседа*, то есть из-за какой-то ситуации, в которой участвовал сосед). Эти два случая будут рассмотрены по очереди.

А) Вершина причинной именной группы напрямую обозначает **ситуацию**, «положение вещей». Такие случаи разнообразны с **семантической, деривационной и синтаксической** точек зрения, при этом эти три аспекта тесно связаны друг с другом и каждый может определять возможность использования конкретной причинной конструкции.

С собственно **семантической** точки зрения ситуации-причины могут быть разделены как минимум на действия (*приезд*), события (*катастрофа*), состояния (*радость*) и свойства (*бережливость*). Релевантность этих таксономических классов для сочетаемости русских причинных предлогов показана в [Мельчук, Иорданская 1996: 165–168; Левонтина 2003], однако для анализа других языков могут потребоваться другие таксономические категории, в том числе более узкие. Помимо этого, может играть роль и тематический класс ситуации-причины, например, особым образом в рамках причинных конструкций могут вести себя обозначения природных явлений

(*дождь*) или эмоций. Для причин-эмоций могут оказываться релевантными дальнейшие семантические параметры, такие как интенсивность, окраска (положительная или отрицательная) и т. д. [Левонтина 2003, Björklund 2017]. В предельном случае семантическая избирательность конкретного средства (наличие таких ограничений на использование конструкции, которые могут быть сформулированы в терминах семантических свойств) может перерасти во фразеологизованность (непродуктивность, наличие закрытого списка имен, допустимых в составе конструкции), см. 4.1.1.

По **деривационному** признаку среди имен, обозначающих ситуации-причины, можно выделить как минимум отглагольные номинализации (*опоздание*), отадективные номинализации (*глупость*) и непроизводные существительные (*дождь*).

Наконец ключевой **синтаксический** параметр, по которому могут быть противопоставлены имена ситуаций, — это выражение участников соответствующих ситуаций. Этот признак также может коррелировать с выбором конкретной причинной конструкции. Скажем, в русских причинных конструкциях с предлогом *из* выражение носителя того свойства, которое подается как причина, невозможно [Иорданская, Мельчук 1996: 187], ср. *из (*своего) упрямства*, а для предлога *из-за* такого ограничения нет, ср. *из-за своего упрямства*.

Б) Вершина причинной именной группы обозначает **участника** ситуации-причины. При метонимическом переходе от ситуации-причины к участнику этой ситуации регулярно теряется значительная часть информации²². Обычно при таком переносе эксплицитно называется агенс ситуации-причины, то есть то лицо, на котором лежит ответственность за ее возникновение:

²² Потери информации не происходит при так называемом «атрибутивном стяжении предикации» [Падучева 1980]. В случае причинных конструкций об атрибутивном стяжении можно говорить тогда, когда вершинное имя имеет атрибут, семантически соответствующий ситуации-причине, ср. ... *непосредственной связи у нее с этим берегом не было из-за [сгоревшего моста]*... [А. Н. Толстой. Хожение по мукам. Книга первая. Сестры (1922)]. Здесь реальная причина отсутствия связи — тот факт, что мост сгорел.

(22) — Ну и бурду вы сварганили, дежурные, — плюется Градусов. — Чего вот *из-за* [тебя] выслушиваю... — ворчит Люська на Демона. [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]

Здесь Демон — один из дежурных, и именно его неудачные действия автор реплики называет конечной причиной критики. Однако в метонимическом переносе может участвовать и не только агенс, ср. *от лекарства мне стало лучше*: здесь в ситуации-причине лекарство выступает в качестве пациенса/темы (\approx ‘я принял лекарство’).

Возможность или невозможность перехода от ситуации к участнику может различаться для разных предлогов (скажем, в русском языке такой переход возможен для *из-за* и *от*, но невозможен для *из*) [Левонтина 2003]. Возможность переноса в рамках конкретной конструкции может зависеть от онтологических признаков имени (в первую очередь одушевленности), а также от его семантической роли. Так, в тувинском языке одна и та же именная группа в функции именной причины оформляется по-разному в зависимости от того, был ли одушевленный референт агенсом или пациенсом в ситуации-причине [Оскольская 2018: 419-420], ср. примеры (23) и (24), взятые оттуда же:

(23) *Šolban* [ogl-u] *deeš mungara-an*
Шолбан сын-POSS.3 из-за огорчиться-PRF
‘Шолбан расстроился из-за своего сына’ (например, из-за того, что с сыном произошла неприятность — ему опять поставили плохие оценки)

(24) *Šolban* [ogl-un-ga] *mungara-an*
Шолбан сын-POSS.3-DAT огорчиться-PRF
‘Шолбан расстроился из-за своего сына’ (например, из-за того, что сын не подготовился к урокам и поэтому получил плохие оценки)

Тот факт, что имя называет только участника ситуации-причины, а не саму ситуацию, может компенсироваться использованием специализированного причинного показателя,

конкретизирующего свойства ситуации. Таков, например, французский предлог *faute de* ‘из-за отсутствия (X-a)’:

(25) *Les chevaux mouraient de faim faute de [fourrages]*.

‘Лошади подыхали от голода из-за отсутствия кормов’

Аналогичный по семантике предлог *tabijo* ‘из-за отсутствия (X-a)’ зафиксирован в жаравара (Д. В. Герасимов, л.с., с от ссылкой к [Dixon 2004: 502–504]).

При работе с конкретным языком необходимо установить все те механизмы, которые позволяют слушающему идентифицировать связь между названным участником и самой причинной ситуацией.

4.1.3. *Семантические свойства вершинного глагола.* Судя по пилотному исследованию, возможность употребления той или иной именной причинной конструкции реже зависит от свойств предиката, обозначающего ситуацию-следствие, чем от свойств самой причины. Однако такая зависимость может фиксироваться и касаться самых разных уровней: таксономического класса (ср. уже упоминавшееся противопоставление действий, событий, состояний и свойств [Иорданская, Мельчук 1996: 165–168]), тематического класса и даже грамматической формы.

Избирательность конструкции в отношении свойств вершинного предиката может быть более или менее жесткой.

О сравнительно гибкой избирательности можно говорить тогда, когда конструкция ограничена по какому-либо базовому семантическому параметру, например, по признакам контролируемости и/или запланированности ситуации-следствия [Иорданская, Мельчук 1996; Левонтина 2003].

Влияние более узкого семантического параметра можно увидеть в поведении русского предлога *из*. Среди прочих ограничений он характеризуется тем, что ситуация-следствие обычно предполагает определенное **воздействие** на других участников, ср. *помог из жалости*, но **расплакался из жалости* [Israeli 2015].

Наконец, пример очень жестких сочетаемостных ограничений можно найти в финском языке. Здесь один из способов выражения именной причины — иллативный падеж — характерен только для обозначения причины смерти, как в (26);

аналогичная картина наблюдается и в мокша-мордовском языке [Козлов 2018: 175].

- (26) *Kyllä, hän kuol-i [rakkaute-en]*
да он умереть-PST.3SG любовь-ILL.SG
'Да, она умерла от любви' (М. А. Холодилова, К. А. Шагал л.с.)

Особым образом в конкретных языках могут обозначаться причины отдельных эмоциональных состояний, болезней, отсутствия чего-либо и т. д.

Ограничения, касающиеся грамматической формы главного предиката, могут среди прочего касаться таких форм, значение которых предполагает отнесенность к плану будущего и/или контролируемость (так, использование именных причинных конструкций часто затруднено при формах императива, ср. *'возвращайся из-за дождя'*).

4.1.4. *Актанты и сирконстанты*. Противопоставление актантов и сирконстантов при типологической работе связано со значительными трудностями, и едва ли может быть сведено к дискретной бинарной оппозиции. Именные зависимые с приблизительно одними и теми же ролевыми признаками могут выступать как факультативные свободные зависимые при одних предикатных лексемах (сирконстантный полюс), но втягиваться в толкование и, таким образом, встраиваться в модель управления при других лексемах (актантный полюс). Часто это различие оказывается градуальным. Скажем, мотив, оформляемый русским предлогом *за* в сочетании с винительным падежом, должен трактоваться как сирконстант при глаголе *побить*, как актант при глаголе *наказать*, а при глаголе *арестовать*, видимо, обладает промежуточными свойствами.

Основные синтаксические отличия актантов от сирконстантов, релевантные для данного исследования, — это а) большая фиксированность оформления и б) его возможная идиоматичность, невыводимость из общих закономерностей.

Проявление первого явления можно увидеть в мокша-мордовском. Здесь есть специализированный причинный падеж, которым обычно оформляются именные причинные сирконстанты. При некоторых вершинах он используется для

кодирования актантов ('наказать за X'), при этом не всегда этот актант соответствует определению именной причины в узком смысле слова, ср. 'спасибо за X' (М. А. Холодилова, л.с.).

Примеры второго явления можно найти в поведении русских глаголов эмоций, а именно в кодировании стимула эмоций — участника, совмещающего признаки причины и содержания. Некоторые из эмотивных глаголов допускают оформление стимула при помощи предлога *из-за* (ср. *огорчиться, расстроиться из-за чего*), т. е. предлога, для которого сирконстантное значение причины регулярно. Однако многие эмотивные глаголы требуют словарно заданного оформления своего второго актанта, близкого по ролевым признакам к причине, ср. *обрадовался чему, тосковать по чему* или *о чем*, и т. д., см. об этом, в частности, [Ovsjannikova, Say 2020]. Таким образом, кодирование актантов таких глаголов отличается от сирконстантного кодирования причины.

4.2. Соотношение с информационной структурой

Демонстрирует ли составляющая, включающая в себя именную причину, какие-либо ограничения или предпочтения, связанные с информационной структурой? Может ли она входить в пресуппозицию, в ассерцию? Может ли она использоваться с контрастивными частицами и/или в выделительных конструкциях? Может ли она использоваться в ответе на неспециализированный вопрос типа «почему»?

Взаимодействие с информационной структурой остается одним из наименее изученных аспектов функционирования именных причинных конструкций. Однако на основе единичных наблюдений над отдельными хорошо описанными языками, а также по аналогии с клаузальными конструкциями причины [Заика 2019: 23–25] можно предположить, что такое взаимодействие в принципе может быть нетривиальным.

4.3. Происхождение показателя

Является ли показатель именной причины производным с синхронной точки зрения? Если показатель производный, то от чего он образуется? Если показатель непроизводный, то какова его этимология, если она известна?

Судя по результатам пилотного исследования, показатели именной причины часто демонстрируют более или менее очевидные связи с знаменательными единицами. К числу широко представленных источников грамматикализации показателей именной причины относятся следующие.

А) Существительные с относительно **абстрактными** значениями: в первую очередь ‘причина’, но также ‘следствие’, ‘дело’, ‘вина’, ‘слово’, ‘имя’, ‘влияние’, ‘сознание’ и т. п. Примерами показателей с таким происхождением могут быть нанайский послелог *turgun-dulə-* (< ‘причина’ + показатель локатива), показатель баскского «мотиватива» — падежа, имеющего значение именной причины (*-gatik* < *gai* ‘дело’ + маркер элатива *-tik*), осетинский послелог *фыдæй* (< *фыд* ‘вина’ + маркер аблатива *-æй*) и т. д.

Б) Существительные, в значение которых входит **локативный** компонент. В качестве примеров можно привести сложный послелог *mà vélé mà* ‘из-за’ (< ‘на’ + ‘дорога’ + ‘на’) в лоома (< манде, Гвинея и Либерия) или лезгинский причинно-бенефактивный послелог *pataqhaj*, производный от существительного *pad* ‘сторона’ [Haspelmath 1993: 222]. Частный случай имен с локативным компонентом значения — названия частей тела. В качестве примеров причинных показателей, связанных с такими существительными, можно назвать послелог *leè* в гуру (< манде, Кот-д’Ивуар), восходящий к существительному ‘ладонь’, или разговорный предлог *sar-e* в персидском, восходящий к существительному ‘голова’/‘поверхность’ с показателем изафета. То, что маркеры причины часто восходят к словам с локативной семантикой, коррелирует с тем, что эти маркеры часто одновременно имеют и пространственные значения, см. 4.4.

В) Именные причинные показатели могут восходить и к **глаголам**, хотя такие маркеры, видимо, встречаются реже, чем маркеры именного происхождения. В число возможных семантических зон-источников входят глаголы речевого взаимодействия (ср. русский предлог *благодаря*), движения (ср. послелог *mà vâzû* в лоома, восходящий к сочетанию базового послелого и одной из форм глагола ‘приходить’) и восприятия

(ср. лезгинский послелог *kiligna*, восходящий к деепричастию глагола ‘смотреть’ [Haspelmath 1993: 224]).

4.4. Полисемия / синкретизм

Является ли значение причины основным для показателя? Какие другие значения может выразить показатель?

Показатель, использующийся в составе именной причинной конструкции, может считаться **специализированным**, если для него значение причины является единственным или основным. В языках мира обнаруживаются специализированные вершинные маркеры причины, см. [пример \(9\)](#) из барупу, широко представлены специализированные причинные предлоги и послелогии (ср. литовские предлоги *dėl* ‘из-за’ и *dėka* ‘благодаря’), во многих языках (например в баскском, мордовском, венгерском, тохарском В, хваршинском) фиксируются и специализированные причинные падежи. Видимо, наличие специализированного каузального падежа характерно, в частности, для языков Австралии [Nordlinger 2014: 242].

Деление на специализированные и неспециализированные средства может быть не вполне четким. Например, для чувашского «каузалиса» значение причины является основным (27), но этот падеж употребляется и в иных контекстах, например, в безглагольных конструкциях желания (28).

(27) [*εak jidə-zam-ɣən*] *εur-i-me-r-ëm*
этот собака-PL-CSL спать-POT-NEG-PST-1SG
‘Из-за этих собак я не смог спать’.

(28) *vəl ʃu-ɣən*
он вода-CSL
‘Он хочет воды’ (М. А. Холодилова, л.с.; примеры получены от носителей малокарачкинского говора чувашского языка)

Как бы то ни было, гораздо чаще в именных конструкциях причины используются показатели, которые однозначно могут быть охарактеризованы как неспециализированные, или **синкретичные**. Модели полисемии, характерные для таких показателей, весьма разнообразны. Обычно значение причины

является вторичным и развивается на основе более конкретных значений, см. о некоторых сценариях такого развития и их когнитивной интерпретации [Radden 1985; Dirven 1995; Palancar 2001]. Несколько огрубляя действительность, можно выделить следующие группы значений, которые нередко совмещаются со значением именной причины.

А) Значения, связанные с обозначением **начальной** точки. Показатели с такой моделью полисемии широко используются в славянских и балтийских языках, ср. литовский пример (29) и его перевод на русский.

(29) *Jos išbal-o nuo [baim-ės]*
она:NOM.PL побелеть-PST.3 от страха-GEN.SG
'Они побледнели от страха' (Э. Генюшене, л.с.)

Основное пространственное значение литовского предлога *nuo* — апудэлатив: начальная точка движения тут имеет локализацию АПУД, то есть пространство около ориентира. Значение причины может развиваться и у показателей, которые в пространственном значении выражают движение из другой локализации, ср. русские предлоги *из-за* (*опоздал из-за пробок*; базовое пространственное значение — движение из зоны ПОСТ) и *из* (*похвалил из вежливости*; базовое пространственное значение — движение из зоны ИН).

К этой группе моделей полисемии отчасти примыкают и случаи, когда причинное значение развивается у показателя, основное значение которого связано с обозначением предшествующего события. Такая модель полисемии фиксируется, например, у падежа, выражаемого показателем — *ngarrba* в каядилт [Evans 1995], см. [пример \(16\)](#). Возможность объединения двух моделей в одну группу обусловлена тем, что семантика предшествования часто метафорически сближается со значением начальной точки. Действительно, очень многие маркеры имеют и пространственное, и временное значение и на их фоне развивают и причинное, ср. в литовском: *nuo stalo* 'со стола', *nuo vaikystės* 'с детства', *nuo baimės* 'от страха'. В таких случаях сложно сказать, восходит ли причинное значение непосредственно к значению начальной точки или семантика

предшествования во времени выступает в качестве промежуточного когнитивного звена.

Б) Значения, связанные с идеей **контакта** или **смежности**. Из показателей, основная функция которых связана с выражением пространственных отношений, сюда попадают эссивные показатели, т. е. обозначающие нахождение в какой-либо точке. В этой группе также обнаруживаются показатели с различными значениями в терминах локализации, в частности ИН ('в'), КОНТ (наличие контакта, ≈ 'на'), АПУД ('у'), ПОСТ ('за') — последняя возможность проиллюстрирована примером (30) из языка бауле (< конго-атлантические, Кот-д'Ивуар).

- (30) [koklo ja] sɪ̄ niɔ, ɛ kwla a nɔnti
thin foot behind DISC 3s can.STA NEG walk
'Because of her thinness, she cannot walk' (О. В. Кузнецова,
М. А. Холодилова, л.с., с отсылкой к [Timyan 1977: 243])

Условно в эту вторую группу можно включить и показатели, основные значения которых связаны с выражением инструмента, средства, комитатива, посессивности или одновременности (эти значения могут и совмещаться друг с другом в разных комбинациях). Во всех этих случаях так или иначе метафорически эксплуатируется идея смежности между причиной и следствием (см. обсуждение общего семантического признака «близости» у английских предлогов *at*, *with* и *by*, развивающих и причинные употребления, в [Dirven 1995: 97]).

В) Третья обширная зона — значения, связанные с движением **по направлению** к ориентиру. Для этой зоны характерен синкретизм не столько с пространственным значением директива как такового, сколько с различными абстрактными значениями, которые сами в свою очередь связаны с идеей конечной точки. К числу таких значений относится семантика реципиента, бенефициента, адресата и особенно **цели** [Yamaguchi 2004: 77–100; Narrog 2010: 250]. В некоторых случаях значения причины и цели не просто выражаются одним и тем же показателем, но и могут совмещаться в конкретных предложениях, см. о сходстве двух типов значений в разделе 3.1.4. Такое совмещение проиллюстрировано в примере (31) из манамбу (< нду; Папуа — Новая Гвинея).

- (31) *a-də* *kwasa-də* *ñan-a:b* *ata*
 DEM.DIST-M.SG small-M.SG child-too then
gra-d [*də-kə* *amayik*]
 cry-3M.SG.BAS.PST he-OBL+F.SG mother+LK+DAT
 ‘That small child too cried for his mother’ [Aikhenvald 2008: 154]

Как уточняет А. Ю. Айхенвальд, такая конструкция может быть использована и в случае, если ребенок плачет, потому что мать его ударила, и в случае если он плачет, скучая по ней, и в случае, если он плачет, чтобы она подошла. В рамках грамматики манамбу значения именной причины и цели не дифференцированы. Похожая модель неразличения характерна и, например, для башкирского предлога *ösön* ‘для, ради, из-за’.

Г) Именные причинные показатели могут демонстрировать синкретизм и с пространственными значениями зоны **пролатива**. Так, значение причины фиксируется у предлогов со значением ‘через’ в польском (*przez*), украинском (*через*), белорусском (*праз*) и литовском (*per*), см. (32).

- (32) **Per** [*uod-us*] *nakt-į* *ne-užmig-ome*
 через комар-ACC.PL ночь-ACC.SG не-заснуть-PST.1PL
 ‘Из-за комаров ночью мы не заснули’ (Э. Генюшене, л.с.)

По всей видимости, этот тип синкретизма представлен в языках мира менее широко, чем типы А–В, но и для него находится убедительное когнитивное объяснение [Yamaguchi 2004: 151; Dirven 1995: 104ff.].

Д) Если обобщить сценарии, представленные в типах А–Г, то окажется, что значение причины в принципе может быть синкретично со всеми основными типами пространственных значений (см. обсуждение этого тезиса на материале одного только английского языка в [Dirven 1995]). Однако пространственными значениями возможности полисемии маркеров, использующихся в именных конструкциях причины, не исчерпываются. Также зафиксированы и именные причинные маркеры, демонстрирующие синкретизм с семантикой стандарта сравнения, содержания мысли или речи и т. д.

Значение причины лежит в абстрактной плоскости, и легко допускает множество сценариев осмысления в более конкретных терминах. Априорно создать исчерпывающий список возможных

моделей полисемии невозможно. Описание конкретноязыковых именных причинных конструкций должно включать в себя освещение вопроса о полисемии, при этом в ходе работы могут встретиться модели, не упомянутые здесь.

4.5. Связь с клаузальными конструкциями

Связан ли именной причинный показатель с каким-либо показателем, использующимся в полипредикативных причинных конструкциях? Если да, то какова их связь (идентичны, один из них произведен от другого и т. д.)?

Именной маркер причины может не иметь синхронных связей с маркерами, используемыми в полипредикативных причинных конструкциях. Однако очень часто такие связи фиксируются. Предельный случай такого типа — полная идентичность показателей, используемых в двух типах конструкций. Так обстоит дело в парагвайском гуарани (< тупийские), где «аблативный» маркер может присоединяться как к именным причинам (33), так и к клаузальным (34).

(33) *He'i* [yʉ'ã-gui] *o-jeroký-ta-ha*
 3A.говорить радость-ABL 3A-танцевать-PROSP-COMP
 'Он сказал, что будет танцевать от радости'.

(34) *Upéi-ma ha'e o-tombe'u ha upé-icha*
 затем-1AM он 3A-рассказывать и DEM-EQU
o-japo n-o-mbo-tavy-sé-i-gui sã Mingé-pe
 3A-делать NEG-3A-CAUS-дурак-DES-NEG-ABL Сан Мигель-OBL
 'Уже потом он рассказал об этом и так и поступил, потому что не хотел обманывать святого Михаила' (Д. В. Герасимов, л.с.)

Именные и клаузальные маркеры причины могут быть связаны друг с другом, но не совпадать полностью. При такой ситуации обычно либо именной маркер произведен по отношению к клаузальному, ср. английское *because of* 'из-за' и *because* 'потому что' [Abraham 1991], либо наоборот, ср. предлог *из-за* и сложный союз *из-за того что* (эти возможности и эти примеры упоминаются в [Заика 2019: 26]). Последний пример иллюстрирует распространенную ситуацию, при которой маркер клаузальный причины фактически представляет собой сочетание именного причинного маркера и каких-либо средств

номинализации (благодаря местоименному элементу *того* зависимая клауза приближается по своей дистрибуции к именной группе). Присоединение типичных именных маркеров (предлогов и послелогов, показателей падежа) является одним из распространенных механизмов, благодаря которым зависимая клауза в полипредикативной причинной конструкции может становиться «пониженной в ранге» (deranked), то есть отклоняться по свойствам от полноценных «сбалансированных» (balanced) клауз [Cristofaro 2013].

Возможна и обратная ситуация — присоединение клаузального причинного маркера к именной группе. Так, в чокто (< мускогские, юго-восток США) показатель именной причины можно трактовать как обычный клаузальный маркер причины, присоединяемый к конструкции с (обычно нулевой) связкой. Таким образом, структуру, имеющую значение ‘из-за собак’, фактически можно считать полипредикативной конструкцией типа ‘потому что есть собаки’ [Broadwell 2006: 86].

5. Свойства систем в целом

5.1. Структура распределения конструкций в языке

Сколько в языке обнаружено разных именных причинных конструкций? Какие параметры определяют их распределение? Вступают ли конструкции в отношения дополнительной дистрибуции или образуют зоны наложения? Каковы основные функциональные конкуренты именных причинных конструкций и какие факторы влияют на эту конкуренцию?

Судя по данным хорошо описанных литературных языков Европы, общее количество именных причинных конструкций в отдельном языке может насчитывать 10 и даже более единиц, см., например, [Klangová 2017] для русского и чешского, [Dirven 1995] для английского, и т. д. Даже если отрешиться от фразеологизованных показателей, использование которых может диктоваться лексическим фактором, наличие нескольких именных конструкций ставит вопрос о характере конкуренции между ними в рамках единой системы.

Ответ на этот вопрос для конкретного языка отчасти будет следовать из анализа каждой из конструкций по параметрам,

связанным с их семантическими (раздел 3), сочетаемостными (4.1) и прагматическими (4.2) свойствами. Так, например, конкуренция между специализированным причинным падежом («мотивативом») и полифункциональным инструменталисом в баскском языке во многом определяется сочетаемостными свойствами этих двух конструкций. Мотиватив в основном используется для одушевленных именных групп, а также для номинализаций. Инструменталисом обычно оформляются такие причинные именные группы, которые обозначают чувства или ментальные состояния ('стыд', 'страх', 'ненависть', 'страсть' и т. д.) (Н. М. Заика, л.с.).

Однако анализ отдельных конструкций следует дополнить обзором системы в целом. В частности, следует разграничить те зоны, где семантические и другие факторы однозначно предопределяют выбор конкретной конструкции, и те зоны, где несколько конструкций оказываются в отношениях свободной вариативности. При наличии корпуса решению этих задач могут способствовать корпусные данные, включая квантитативные (см. попытку такого анализа, предпринятую для 11 славянских языков на материале параллельного корпуса, в [Say, 2021]).

При возможности следует дополнить анализ системы причинных именных конструкций сведениями о характере конкуренции между такими конструкциями и их функциональными аналогами. В число последних могут входить не только полипредикативные причинные конструкции (см. раздел 1), но и, например, конструкции, в которых причина занимает позицию подлежащего при каузативном глаголе, как в примере (36) из кхмерского:

(35) *daum chx: rɔlom daoj-sa: [kxɔvɔl] nəw tɔmbɔn*
 ствол дерево падать из.за ветер в район
ʔɔŋkɔ:
 Ангкор
 'В районе Ангкора из-за ветра упали деревья'.

(36) *phliəŋ nuŋ kxɔvɔl thvɔ: ʔaɔj rɔlom phteah*
 дождь и ветер делать CAUS падать дом

niɯ daum chr: nəw sɒŋkat prɛ:k₁ ta:₂ se:k₃
и ствол дерево в район TN

‘Дождь и ветер повалили дома и деревья в районе Прэк Тасек’ (С. Ю. Дмитренко, л.с.)

Как было сказано в [разделе 1](#), каузативные конструкции типа (36) не соответствуют принятому здесь определению именных причинных конструкций, однако, как видно по сопоставлению с примером (35), два типа структур могут быть практически синонимичными, что обуславливает необходимость выявления факторов, регулирующих конкуренцию.

5.2. Связи параметров друг с другом

При анализе конкретных языков приветствуется эксплицитное обсуждение связей различных параметров, характеризующих именные причинные конструкции, друг с другом. Серьезная верификация корреляций такого рода станет возможна только после сбора типологических данных. Пилотный этап исследования позволил сформулировать следующие предварительные гипотезы, которые должны быть подтверждены или опровергнуты в будущем.

1) Вероятность обнаружения специализированных показателей возрастает от более грамматикализованных к менее грамматикализованным показателям: падежные маркеры < первичные адлоги < вторичные адлоги.

2) Специализированные показатели чаще имеют прозрачную внутреннюю форму (в частности, происходят от слов со значением ‘причина’, ‘вина’ и т. п.), чем синкретичные.

3) Неспециализированные показатели именной причины имеют более высокой текстовую частотность (token frequency).

4) Специализированные маркеры причины имеют меньше сочетаемостных ограничений, чем синкретичные.

5) Существует связь между моделями полисемии, демонстрируемыми конкретным показателем, и характером тех причинных отношений, которые он может выражать. В частности, предполагается существование следующих связей.

а) Корреляция между специализированными показателями и семантикой опосредованной причины.

б) Корреляция между показателями, в структуру полисемии которых входят значения из зоны контакта или смежности, со значением прямой одновременной причины.

в) Корреляция между показателями, в структуру полисемии которых входит значения из зоны движения по направлению к ориентиру, и значением субъективной причины, особенно такой причины, которая связана с возможностью возникновения ситуации в будущем.

6. Заключительные комментарии

По результатам пилотной работы, приведшей к формированию предложенной выше анкеты, можно сделать два предварительных обобщения, потенциально важных для дальнейшего изучения именных причинных конструкций.

Во-первых, в литературе по именованным конструкциям причины среди семантических разновидностей причинных отношений центральное место, видимо, занимают опосредованные объективные причины, то есть конструкции вроде *Они опоздали из-за пробок на дороге*. При помощи таких конструкций говорящие **объясняют** наблюдаемые явления действительности. Опосредованные объективные причины играют ключевую роль в рациональном осмыслении действительности и, в частности, в построении научной картины мира. Меж тем по косвенным признакам можно предположить, что структуры с такой семантикой обычно находятся на периферии грамматики. В некоторых ареалах такие структуры, видимо, просто редки (скорее всего, так обстоит дело в Новой Гвинее и Океании). Видимо, обычно текстовая частотность таких конструкций не очень велика, а используемые в них маркеры вторичны (специализированы, сохраняют связь с знаменательными словами и сравнительно легко обновляются, в частности заимствуются). В этом смысле более базовый тип именных причинных конструкций могут представлять собой конструкции, выражающие непосредственные каузальные связи между событиями и не требующие рационального осмысления, т. е. конструкции типа *закричать от боли*.

Во-вторых, если изложенные предположения в какой-то мере верны, то такое положение вещей ставит под сомнение

существование какого-либо единого естественного класса языковых конструкций, который соответствовал бы принятому здесь определению именных причинных конструкций. Может так оказаться, что само это объединение отчасти является фантомным, а в естественных языках оно систематически распадается на несколько слабо интегрированных кластеров [Dirven 1995]. Выяснение того, обладают ли причинные именные конструкции каким-либо сущностным единством или скорее представляют собой конструктор, созданный на логических, а не на собственно лингвистических основаниях, должно стать одной из конечных целей предпринимаемого типологического исследования.

Список условных сокращений

1, 3 — 1-е, 3-е лицо; A — префикс активной серии; ABL — аблатив; ACC — винительный падеж; ACT — актер; ADV — адверсатив; AG — имя деятеля; AOR — аорист; AV — акторный залог; BAS — базовая серия индексирования; CAUS — каузатив; CAUSALV — каузальный залог; CSL — каузалис; COMP — комплементаризер; CONS — консеквентив; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; DES — дезидератив; DISC — дискурсивная частица; DIST — дистальный; EQU — экватив; F — женский род; FOC — фокус; GEN — генитив; HOD — время сегодняшнего дня; IAM — иамитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LK — лигатура; M — мужской род; MPROP — модальный проприетив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; OBJ — объект; OBL — косвенный падеж; PART — партитив; PFV — перфектив; PL — множественное число; PV — пациенсный залог; POSS — посессивный показатель; POT — потенциалис; PROSP — проспектив; PST — прошедшее время; PSTR — следование; PTCP — причастие; REAL — реалис; REAS — причина; SBJ — подлежащее; SG — единственное число; STA — статив; STEM — основа; TN — топоним.

Литература

Богуславская, Левонтина 2004 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания 2, 2004. С. 68–88.

- Вимер 2004 — Б. Вимер. Таксис и коинциденция в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 53–73.
- Заика 2019 — Н. М. Заика. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания 4, 2019. С. 7–32.
- Ивић 1954 — М. Ивић. Узрочне конструкције с предлозима *због, од, из* у савременом књижевном језику // Наш језик 5–6, 1954. С. 186–194.
- Иорданская, Мельчук 1996 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал 2, 1996. С. 162–211.
- Козлов 2018 — Л. С. Козлов. Локативные падежи // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 154–182.
- Левонтина 2003 — И. Б. Левонтина. ИЗ-ЗА 4, ИЗ 8.1, ОТ 6, разг. ПО 1.7, разг. С 1.10, устар. или канц. ЗА П.8, БЛАГОДАРЯ, книжн. ПО ПРИЧИНЕ, книжн. ВСЛЕДСТВИЕ, необиходн. В РЕЗУЛЬТАТЕ, офиц. ВВИДУ, книжн. В СИЛУ ‘по той причине, что’ // Ю. Д. Апресян и др. (ред.). Новый объяснительный словарь русского языка. Москва: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 430–437.
- Овсянникова, Сай 2014 — М. А. Овсянникова, С. С. Сай. Разные формы, общие механизмы: альтернатива одно- и двухобъектной диатез у русских глаголов ментальной сферы // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Т. X. Ч. 2. *Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы* / Ред. тома С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. СПб.: Наука, 2014. С. 248–291.
- Онипенко 1985 — Н. К. Онипенко. О субъектной перспективе каузативных конструкций // Вопросы языкознания 2, 1985. 123–132.
- Оскольская 2018 — С. А. Оскольская. Маркирование актантов двухместных предикатов в тувинском языке // С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 399–421.
- Падучева 1980 — Е. В. Падучева. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика 20, 1980. С. 3–44.

- Пекелис 2017 — О. Е. Пекелис. Причинные придаточные // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131.
- Abraham 1991 — E. Abraham. Why 'because'? The management of given/new information as a constraint on the selection of causal alternatives // *Text* 11, 3. P. 323–339.
- Aikhenvald 2008 — A. Yu. Aikhenvald. *The Manambu Language of East Sepik, Papua New Guinea*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Björklund 2017 — М. Björklund. От радости, из боязни, с горя: эмоциональные каузаторы в конструкциях с предлогами *от, из, с* + родительный падеж. Доклад, прочитанный на конференции «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование». Хельсинки, 7-9 июня 2017 г..
- Broadwell 2006 — G. A. Broadwell. *A Choctaw Reference Grammar*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2006.
- Cristofaro 2013 — S. Cristofaro. Reason Clauses // M. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/127>, Accessed on 2019-11-30.)
- Croft 1993 — W. Croft. Case marking and the semantics of mental verbs // J. Pustejovsky (ed.). *Semantics and the Lexicon [Studies in Linguistics and Philosophy 49]*. Dordrecht: Kluwer, 1993. P. 55–72.
- Degand 2000 — L. Degand. Causal connectives or causal prepositions? Discursive constraints // *Journal of pragmatics* 32, 2000. P. 687–707.
- Dirven 1995 — R. Dirven. The construal of cause: The case of cause prepositions // J. R. Taylor, R. MacLaury (eds.). *Language and the Cognitive Construal of the World*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 95–118.
- Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. *The Jarawara Language of Southern Amazonia*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Dol 2007 — Ph. Dol. *A grammar of Maybrat: a language of the Bird's Head Peninsula, Papua Province, Indonesia*. Canberra: The Australian National University, 2007.
- Donohue 2004 — M. Donohue. *A grammar of the Skou language of New Guinea (draft)*. Singapore: National University of Singapore, 2004.
- Foley 2018 — W. A. Foley. The morphosyntactic typology of Papuan languages // B. Palmer (ed.). *The languages and linguistics of the New Guinea Area*. Berlin: De Gruyter, 2018. P. 895–937.
- Ford 1994 — C. E. Ford. Dialogic aspects of talk and writing: *because* on the interactive-edited continuum // *Text* 14(4), 1994. P. 531–554.

- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A grammar of Lezgian*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Israeli 2015 — A. Israeli. Russian causal prepositions: internal vs. external cause and impact // S. Viellard, I. Thomierès (eds.). *La grammaire de la cause / the grammar of causation. Actes du colloque international*, Paris, 23-24 octobre 2015. P. 205-222.
- Klangová 2017 — L. Klangová. *Выражение причинных отношений в русском и чешском языках*. PhD dissertation, Brno, Masarykova univerzita, 2017.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — M. Koptjevskaja-Tamm. *Nominalizations*. London: Routledge, 1993.
- Koptjevskaja-Tamm 2013 — M. Koptjevskaja-Tamm. *Action Nominal Constructions* // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/62>, Accessed on 2021-05-08.)
- Meyer 2000 — P. G. Meyer. The relevance of causality // E. Couper-Kuhlen, B. Kortmann (eds.). *Cause — Condition — Concession — Contrast. Cognitive and discourse perspectives*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Narrog 2010 — H. Narrog. A diachronic dimension in maps of case functions // *Linguistic Discovery* 8, 1, 2010. P. 233–54.
- Nordlinger 2014 — R. Nordlinger. Constituency and grammatical relations in Australian languages // H. Koch, R. Nordlinger (eds.). *The languages and linguistics of Australia*. Berlin: de Gruyter, 2014. P. 215–261.
- Onishi 1994 — M. Onishi. *A grammar of Motuna (Bougainville, Papua New Guinea)*. Ph.D. dissertation. Australian National University, 1994.
- Ovsjannikova, Say 2020 — M. Ovsjannikova, S. Say. The Instrumental Case in the Diachrony of Russian Reflexive Verbs of Emotion: From Cause to Content // *Scando-Slavica*, 66, 1, 2020. P. 118–143.
- Palancar 2001 — E. Palancar. Emergent markers: The relation of instruments, causes, and agents in grammatical constructions // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 54, 4, 2001. P. 365–384.
- Radden 1985 — G. Radden. Spatial metaphors underlying prepositions of causality // W. Paprotté, R. Dirven (eds.). *The Ubiquity of Metaphor*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 177–207.
- Say forthc. — S. Say. Nominal causal constructions across Slavic: semantic contrasts in a parallel corpus perspective // *Slavia*, 90, 2, 2021. P. 183–202.
- Sweetser 1990 — E. Sweetser. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

- Timyan 1977 — J. Timyan. A discourse-based grammar of Baule: the Kode dialect. PhD Dissertation, City University of New York, New York, 1977.
- Uhlik, Žele 2020 — M. Uhlik, A. Žele. Vzrok v slovenščini: predlogi in predložne zveze // Slavistična revija, 68, 1, 2020. P. 21–39.
- Verhoeven 2007 — E. Verhoeven. Experiential constructions in Yucatec Maya: A typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language. [Studies in Language Companion Series, 87]. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2007.
- Yamaguchi 2004 — K. Yamaguchi. A Typological, historical and functional study of adpositions in the languages of the world. PhD dissertation, University of New Mexico, Albuquerque, 2004.
- Ziv 1993 — Y. Ziv. 2000. Conjunction and causality: pragmatics and the lexicon // Pragmatics and language learning monograph series, 4, 2000. P. 17–27.